

Глава 498: Ссора (I)

Пан Сяо был рядом с собой с радостью - это была всего лишь простая записка Му Цзинху, но он чувствовал себя так, будто оставил в руках драгоценное сокровище. Он кружился вокруг и вокруг, восторг написан на его щетинистом лице.

Хузи, Сюй Вэйчжи и Се Юэ бросились вперёд, игнорируя все приличия, так как они плотно собрались вместе, чтобы прочитать записку. Они изучили её дважды, прежде чем закричать от радости. "Это действительно Её Высочество! Кто бы мог подумать, что её увезут к татару!"

"Письмо господина Му пришло в самый подходящий момент! Если бы мы продолжали идти, не сказав ни слова о местонахождении Её Высочества, Его Высочество могло бы сойти с ума!" Хузи дразнил, смеялся.

Сюй Вэйчжи и Се Юэ также носили улыбки облегчения на своих лицах, огромные веса на плечах наконец-то исчезли.

Поскольку Пан Сяо потерял большую часть аппетита и крепко спал, он потерял большой вес, что сделало его красивые черты исключительно угловатыми. Он выглядел аномально неряшливым, с его грязными волосами и щетиной подбородка.

После того как он бросил вызов тридцати странным королевским указам, его поиски все равно оказались бесплодными, не оставив ему иного выбора, кроме как вернуться в столицу. С тех пор у Пан Сяо не было ни дня мира - паранойя Ли Цицятя усилилась там, где он будет унижать принца при дворе, гневно обличая его не один раз.

Но Пан Сяо было все равно. Всё, чего он хотел, это чтобы Цинь Иньин вернулся.

Он презирал своё прошлое. Почему он позволил Цинь Ину расследовать местонахождение сокровищ в одиночку? Хотя сокровища были важны для них, как это может сравниться с безопасностью Цинь Иня?

Пан Сяо не имел ни малейшего представления о том, как он попал в столицу, а тем более о том, как встретился с родителями Цинь Иня. Он стал агрессивным, неспособным контролировать свой нрав. Это дошло до того, что даже увидев Ли Цициань, наполнил его убийственной яростью.

Если бы он убил Ли Цициана, его дорогая была бы избавлена от неудач? Была бы избавлена от того, чтобы стать жертвой в их борьбе за власть?

Все эти негативные эмоции рассеялись на ветру с этой единственной запиской.

"Немедленно приготовьте мою лошадь!" Пан Сяо наконец-то набрался смелости увидеть Цинь Хуайюань.

Хузи утвердительно ворчал в воздухе; он уже бросился готовить коня Пан Сяо.

Се Юэ и Сюй Вэйчжи имели представление о том, что собирается делать Пан Сяо. "Ваше Высочество, - поспешно спросили они, - сообщим ли мы вельможе, дедушке и старой мадам?"

Пан Сяо ударил его по лбу. "Чуть не забыл. Тогда я оставлю это вам двоим, чтобы вы уведомили их. Скажите им, что я пошёл обсуждать планы со своим тестем."

Неэ Яо не была особо обеспокоена несчастным случаем с Цинь Ином. Вместо этого больше всего беспокоились Неэ Ма и Яо Чэнгу. Однажды они беспокоились, что их бунтарский, упрямый внук проживёт остаток своих дней в одиночестве. Тогда небеса одарили его добродушной женой, чья красота затмевает цветы и драгоценный нефрит. Они никогда не ожидали, что их радость будет кратковременной - молодожены были вынуждены отправиться в зону бедствия, и только одна из них вернулась.

Неэ Ма посвятила свои дни чтению буддийских священных писаний и даже воздержалась от мяса, молясь искренними молитвами о безопасности Цинь Иня. Она сразу же телепортировалась от уха к уху, как только Се Юэ и Сюй Вэйчжи пришли с новостями о Цинь Ине. Она поспешила зажечь благовония, чтобы поблагодарить богов.

Яо Чэнгу также вздохнул с облегчением. "Для такой хорошей девушки, как она, было бы большой несправедливостью потерять свою жизнь. Это действительно хорошая новость. Небеса наконец-то помогают достойным".

"Как вы говорите, Великий господин. Наконец-то все прояснилось. Иначе Его Высочество скоро оторвет слой собственной кожи!" Се Юэ засмеялась от всего сердца.

Сюй Вэйчжи была более внимательной, чем Се Юэ. Он молчал, наблюдая за реакцией старейшин Панга. Он устремил свой взор на племянницу Яо, чьи черты оттенялись с тревогой.

"Старая мадам, у вас что-то на уме?" Сюй Вэйчжи улыбнулся, подняв руки в кулак.

Неэ Яо моргнула, она не ожидала, что Сю Вэйчжи выделит её. Сюй Вэйчжи и Се Юэ были достаточно взрослыми, чтобы быть старшими Пан Сяо, поэтому она не видела необходимости скрывать свои мысли от него.

"Честно говоря, я думаю об этих варварских татарах". Несмотря на годы, проведенные принцем-соправителем Джи в Татаре, он не одержал над ними победу. Все возвращающиеся солдаты говорят о том, как ужасны и свирепые татары. Нэ Цинь - красавица с ликом цветов и самой луной - я с трудом представляю, как она, должно быть, страдала после того, как ее отпугнула супруга татарского хана".

Ее слова были действительно затуманены.

Как теща Цинь Иньна, можно было бы интерпретировать беспокойство невестки Яо как душевную боль от страданий Цинь Иньна.

Однако тот, кто мог прочитать слова невестки Яо, а также Сюй Вэйчжи, обнаружил ее истинные опасения. Что могли сделать эти "пугающие и свирепые" татары с ее "прекрасной, как цветы и луна" дочерью, а именно с целомудрием Цинь Инь.

Сюй Вэйчжи была в растерянности из-за слов. Он считал, что Цинь Инь быстро сообразила, что она понимает принца и как она ему помогла. Пан Сяо было так стыдно за свою неспособность вернуть Цинь Иньна, что он не осмелился встретиться с Цинь Хуайюанем, но премьер-министр остался понимающим через все это, не вздохнув затылком Пан Сяо.

Цинь были слишком всепрощающими, как отец, так и дочь. Сюй Вэйчжи очень восхищался этим. Но он не любил мелочности неэти Яо.

"Как говорит старая мадам. Хотя, если бы я мог сказать что-то неприятное, - не мог не сказать в реторте, - кто-то со статусом дочери министра Цинь легко мог бы прожить мирную жизнь". Кто бы мог подумать, что она столкнется с такими несчастьями вскоре после женитьбы на Его Высочестве? Может, она и жива, но ее положение не выглядит особенно оптимистичным".

Слова Сюй Вэйчжи были столь же туманны - с первого взгляда кажется, что он согласился с жалостью неэ Яо к Цинь Иню. Однако на самом деле он хотел сказать: если бы дочь министра Цинь не вышла замуж за вашего сына, ей не пришлось бы так страдать. И всё же тебя, её свекровь, волнуют только глупые мелочи. Очевидно, что вы не любите никого, кто не принадлежит вам по крови, если только беспокоитесь о целомудрии Цинь-Иня.

Хотя née Yao и Xu Weizhi не говорили так просто, ни один из них не был глупцом.

Яо Чэнгу был первым, кто понял. Он выстрелил в дочь с хмурым взглядом, прежде чем вытащить трубку, чтобы наполнить её табаком.

Неэ Ма должна была хоть на минуту подумать, прежде чем поняла, в чём заключался обмен. Ее глаза сразу же расширились, но ей не стоило наказывать собственную дочь перед стратегами Пан Сяо. Она держала язык, руки дрожали, когда она заставляла улыбаться.

Увидев, что атмосфера была разрушена, проницательные Се Юэ и Сюй Вэйчжи восприняли это как знак, чтобы извиниться. Выйдя во двор, они разделили взгляд и не могли не вздохнуть, так как пугались поспешными шагами.

Как только невеста Ма посчитала их достаточно далеко, она хлопнула рукой о плиту. "Глупая девчонка, о чем ты думала? У тебя нет совести?"

"Мама! Что ты говоришь?" Возмущенная, Неэ Яо встала на ноги и оглянулась на неэ Ма.

"Думаешь, я не поняла, что ты говорила?" - сказала невеста Ма. "Даже если я достаточно глуп, чтобы не понять, думаете ли вы, что ваши последствия ускользнут от внимания таких умных людей, как господи Сюй и Се? Ты действительно... как мне тебя описать? Тебя не волнует, жива ли девочка И или умерла, потому что она не твой ребёнок?"

"Кто сказал, что мне всё равно? Я также так волновалась, что едва могу есть и спать. Как я могу не беспокоиться, особенно видя, как Тафу был расстроен?"

"Но когда ты узнаешь, что девушка И жива, ты не будешь чувствовать вины за то, что твой сын втянул чудесную дочь министра Цинь в свои неприятности". Вы не только забыли спросить, как она, но и заботитесь прежде всего о её целомудрии!"

<http://tl.rulate.ru/book/13071/1031209>